

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 104 – 108

УДК 81:81'25+81'42

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ НАУЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Т. И. Власова

*Днепропетровский национальный университет
железнодорожного транспорта им. академика В. Лазаряна,
г. Днепропетровск*

В статье рассматривается взаимовлияние межкультурной коммуникации и познания, их роль в теории и практике перевода, в частности, роль перевода в развитии научного дискурса.

Ключевые слова: научный дискурс, теория познания, лакуна, фемининность, дословный перевод, переводческая компетенция, когнитивная лингвистика.

Перевод в развитии научного дискурса как и теоретическая, и прикладная проблема требует серьезного внимания различных ученых, не только филологов, тем более, что последнее десятилетие ознаменовано небывалым по интенсивности включением результатов западных исследований (прежде всего, в области философии, социологии, политологии, психоанализа, теории литературы) в отечественный корпус знаний. Поскольку происходило это посредством перевода (в основном, с английского), то роль переводчика трудно переоценить. Концептуальные проблемы лингвистики, в целом, занимают очень важное место в переводческой деятельности. К числу наиболее серьезных научных проблем относится взаимосвязь и взаимовлияние межкультурной коммуникации и теории познания. И первое, и второе, как известно, является предметом исследования различных наук, охватывая такие области знания, как когнитивная лингвистика, психология, социология, культурология и, безусловно, философия. Многие философы считают теорию познания (или эпистемологию) ядром философии. Вопросы о том, что познаваемо, а что нет, отражает ли наше мышление реальность, какова роль мышления и чувственного опыта в процессе познания, интересовали философов всегда и остаются сферой особого внимания в современных теориях постмодернизма [1].

Известно, что язык рассматривается учеными как зеркало культуры. Язык формирует представления человека о мире и о себе; язык, по утверждению философов-постмодернистов, лежит в основе идентичности человека — мужчины или женщины [2]. В этой связи особое значение приобретают термины «картина мира» и «дискурс», в конце XX в. прочно вошедшие в концептуальный и метаязыковой аппарат когнитивной лингвистики. «Картина мира» определяется учеными как совокупность знаний и мыслей субъекта относительно объективной реальной или мыслимой деятельности (Н. Васильева, В. Виноградов, А. Шахнарович). Дискурс, «текст в контексте» (М. Бахтин), является предме-

том изучения не только лингвистики, но также философии и литературоведения. В работах М. Фуко дискурс — это социально обусловленная организация системы речи и действия. Любая речь по определению предполагает, пишет Фуко, что высказывание производится не только и не столько лингвистическими и логическими, сколько социальными средствами, то есть человек не обладает реальной идентичностью в рамках своего «я», можно говорить просто о способе репрезентации себя в речи — дискурсе [3].

М. Фуко утверждает, что реальность для каждого человека различна, так как она опосредована языком и опытом. Не может быть безличного, объективного взгляда («взгляда ниоткуда»), есть только конкретная индивидуальная субъективность. В этом контексте, считает Фуко, дискуссии о значении слов являются решающими в определении общественного сознания. Для Лиотара, как и для Витгенштейна, укоренившаяся изолированность «языковых игр» строится на специфичности жизни, в которой они воплощены. Перевод предложений, принадлежащих к разным режимам, следовательно, невозможен. Правда, Лиотар делает замечание, что языки переводимы, иначе они не языки, но языковые игры не переводимы, потому что если бы это было так, они бы не были играми языка. Это как если бы кто-то захотел перевести правила и стратегию шахмат в шашки [4: 53 – 54].

Однако, по Лиотару, функция жанра состоит в том, чтобы свести предложения, принадлежащие различным режимам, в границы единой цели, в единую телеологию, но, замечает Лиотар, при этом другой жанр дискурса может привести к другой цели, «инскрибировать иное завершение» [5: 29].

Как представляется, очень важным в этой мысли Лиотара является движение от онтологии предложения к его прагматике, в нашем контексте — к озабоченности тем, как предложение используется.

Специфика данной проблемы применительно к науке перевода заключается в том, что перевод многих постмодерных научных текстов, осуществленный за последнее время, является не просто фактом трансляции определенного корпуса знаний, но и способом конституирования украинского научного дискурса, позволяющего сегодня не только адекватно вписаться в современный западный дискурс, но и рассчитывать на эффект интереса и понимания в современном мире, благодаря использованию одного с ним научного языка.

Весьма существенно, что интеграция национальной научной школы в международное сообщество происходит посредством перевода с родного языка на иностранный и наоборот. Поэтому исключительно важен уровень профессиональной компетенции переводчика. В настоящее время осуществление качественного перевода осложняется прежде всего теми негативными изменениями, которые произошли в издательском деле, поскольку разрушен институт высокопрофессиональных переводчиков литературы, — как художественной, так и научной, — который существовал ранее. Вторая причина — это общее падение требовательности к профессионализму и компетенции специалистов. В результате этих изменений происходит феномен, получивший название «наивный перевод». «Наивный» переводчик не является специалистом в области переводимо-

го им текста, недостаточно владеет языком оригинала, более того, плохо знает свой родной язык. Главной стилистической приметой «наивного перевода» является избыточная «калькированность» (буквализм). Такой переводчик переводит «criminal law» (уголовное право) как «криминальный закон», «social contract» (общественный договор) как «социальный контракт», «public-private» (публичное — частное) как «общественное — приватное», «agency» (деятельность, дееспособность) переводится как «агенство», «mission» (боевая операция) — как «миссия», «le boum» (вечеринка) — «бум» и т. д.

«Наивный» перевод делает украинский текст семантически непрозрачным и пригодным для употребления только специалистами в данной области. Буквальный перевод, калькирование — это всегда свидетельство низкой культурной компетенции переводчика, но, что более важно, такой перевод разрушает концепт источника или дополняет его ложными коннотациями. Как отмечают исследователи, культурный барьер гораздо опаснее языкового. Например, один из фильмов Кшиштофа Занусси шел под названием «Иллюминация» («Illumination»), хотя речь в нем — об исканиях интеллигенции, и если бы его перевели правильно («Озарение»), то сразу же отослали бы к одному из основных понятий Августина Блаженного.

В случае научных текстов, например, новой области гендерных исследований, воссоздание англоязычного дискурса средствами как русского, так и украинского языка также вызывает некоторые проблемы. Широко известная работа Д. Спендер «Man Made Language» («Язык, созданный мужчиной») переводится уважаемыми авторами как «Мужчина создал язык». «Feminine» — «фемининный» переводится как «феминный», «feminist philosophy» — «феминистская философия» украинскими учеными переводится только как «феміністична філософія». Классика гендерных исследований, книга Джудит Батлер «Gender Trouble» вошла в наш канон философской литературы как «Гендерное беспокойство», хотя, принимая во внимание и содержание книги, и смысл концепта «trouble», эту книгу, на наш взгляд, следовало бы перевести «Гендерная неопределенность».

С. Г. Тер-Минасова утверждает: все тонкости и вся глубина проблем межъязыковой и межкультурной коммуникации становятся особенно наглядными при сопоставлении иностранных языков с родными и чужой культуры — со своей [6]. Исследовательница подчеркивает: следует быть очень осторожным с новым иностранным словом, его употреблением: за словом стоит понятие, за понятием — предмет или явление реальности мира, а это мир иной страны, чужой, чуждый.

Отсюда — важность проблемы концептуальной эквивалентности языка оригинала и языка перевода. Сравнивая концепты, свойственные различным культурам, ученые зачастую сталкиваются с асимметричной представленностью единиц в сопоставляемых культурах. Крайней степенью такой асимметричности является лакунарность — отсутствие определенных признаков и единиц в одной системе по сравнению с другой. Такие отсутствующие в сравниваемых культурах осмысления объектов или реалий лежат в основе лакунарных концептов, обладающих своеобразным качеством, акцентирующим экстралингвистический концепт выска-

звания) [7]. Безусловно, такие концепты требуют особого внимания переводчика. Автор основополагающих работ в области логической семантики Г. Фреге, рассматривая три степени различия между выражениями, пишет, что разница между переводом и оригиналом не должна выходить за пределы первой степени различия, затрагивающей только «представление»: различные нюансы и разную стилистическую окраску. Эти нюансы не объективны, но именно потому так важно, чтобы читатель или слушатель воссоздавал для себя максимально приближенную к оригиналу «картину мира», что возможно только при контакте языкового значения с конкретной реальностью, при контакте языка с действительностью (М. Бахтин). Особое значение в этой связи приобретает литературный дискурс, «перебрасывающий мостик» между вымышленным миром литературы и действительностью. Литературный дискурс очень важен для переводчика, поскольку он охватывает не только явления языка и литературы, но вводит переводчика в общефилософский контекст, обнимающий в культуре постмодерна математику и филологию, термодинамику и историю, литературу и психологию — сложные нелинейные структуры, в которых происходит «синергетическое порождение смысла».

В межкультурной коммуникации, основанной на единстве изучения языков и культур, личность переводчика проявляется в полной мере, приобретая характеристики «вторичной языковой личности» (И. Халеева). С точки зрения переводчика, коммуникативные, прагматические и семиотические подходы, помещающие переводчика в центр коммуникативной деятельности, имеют равноценное значение, поскольку переводчик выполняет роль посредника между различными культурами, каждая из которых имеет свои специфические представления о реальности, идеологии, мифах и т. д. [8].

В этой связи приобретает особую актуальность проблема «author-centred» против «reader-centred» перевода [9: 16 – 20]. Проблема «центрированности» на тексте/авторе или читателе затрагивает различия в базовой ориентации переводчика: для многих переводчиков верность источнику — превыше всего, для других самое главное — это читатель, его понимание текста, третьи (особенно, переводчики современной литературы) часто знакомы с автором текста-источника и переводят его в свете того, что они знают об авторских интенциях (безусловно, это не относится к переводу юридических, финансовых и прочих документов).

Я. И. Рецкер также писал об этой проблеме, называя ее «учетом адресата высказывания», и призывал учитывать «равнодействующую» «общественно осознанного контекста» [10].

Безусловно, все выше обозначенные темы не новы в переводе, но переводчик всегда был и остается вовлеченным в коммуникативную деятельность, которая происходит в конкретном социокультурном контексте. Проблема адекватности определенного перевода для определенных целей связана и с социокультурными условиями, и с лингвистическими требованиями. Когнитивная лингвистика, как и теория межкультурной коммуникации, постоянно вносит свой вклад в теорию и практику перевода XXI века и способствует продвижению системного подхода в оценке переводческого процесса.

Литература

1. Deutscher P. *Yielding Gender*. — London and New York: Routledge, 2004. — P. 2 – 7.
2. Butler J. *Gender Trouble*. — New York and London: Routledge, 1999. — P. 33 – 44.
3. Фуко М. Археология знания. — СПб.: «Гуманитарная Академия», 2004. — 416с.
4. Lyotard J.-F. *Just Gaming*.
5. Lyotard J.-F. *The Defferend*. — Paris, 1984. — 272 p.
6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М., 2000. — С. 33 – 36.
7. Карасик В. И. Этноспецифические концепты// Введение в когнитивную лингвистику. — Севастополь: Рибэст, 2009. — С. 59 – 101.
8. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. — М., 1997. — С. 352 – 361.
9. Hatim B., Mason J. *Discourse and the Translator*. — London and New York: Longman, 1997. — P. 236.
10. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — М.: Р. Валент, 2004. — С. 40 – 44.

Власова Т. И. Міжкультурна наукова комунікація та деякі проблеми перекладу.

У статті розглядається взаємовплив міжкультурної комунікації та пізнання, їх роль у теорії і практиці перекладу, зокрема, роль перекладу в розвитку наукового дискурсу.

Ключові слова: науковий дискурс, теорія пізнання, лакуна, фемінінність, дослівний переклад, компетенція перекладача, когнітивна лінгвістика.

Vlasova T. Intercultural scientific communication and some problems of interpreting.

The article deals with the issues of intercultural communication and reason, their interaction in translating as process and theory, and their role in the development of the scientific discourse.

Key words: scientific discourse, epistemology, lacuna, feminine, translator's competence, verbatim translation, cognitive linguistics.

Статья поступила в редакцию 5 октября 2010 г.